А Юнь вздохнул и лишь сказал, что Дахуан утащил одну булочку. Он боялся, что Мэн И взбесится и переломает собаке ноги.

В последнее время о Дахуане никто не заботился и никто о нем не спрашивал, его тоже было жалко.

В большом казане осталась еще половина бамбуковой пароварки с булочками, и А Юнь отобрал еще одну корзинку.

Мэн И, макая их в растертый чеснок, на одном дыхании умял штук восемь. Наевшись и напившись досыта, он, пританцовывая, увязался за А Юнем. Глядя на его хлопочущую фигуру, он почувствовал такое необыкновенное тепло, что ему вдруг расхотелось возвращаться в тот пустой, одинокий дом.

Родители по вечерам уходили проверять вершу на реке, а он днем работал — дома не было ни души, царил сплошной кавардак. Разве это сравнится с домом А Юня, где и в комнатах чисто и аккуратно, и есть сам А Юнь.

– Я сегодня на ночь не уйду, – Мэн И обвил рукой его талию, и его обжигающий взгляд заставил А Юня растеряться.

– Т-тогда… тогда я буду спать в восточной комнате, – испуганно отстранился А Юнь. Ладно, он и сам порядком устал, пусть спит раз хочет, к тому же так удастся поесть горячей еды собственного приготовления.

Комната матушки уже давным-давно пустовала, но в ней постоянно прибирались, стоило лишь расстелить постель — и можно ложиться.

– Ты будешь спать со мной, – Мэн И сильнее сжал руку, притягивая его к себе, и ухватил А Юня за подбородок. Его прямой, нескрываемый взгляд казался способным проглотить человека целиком. – Скажи: «Хорошо».

Глава 15. Требовать определенности

Самая сладкая гаолянъи

В голове у А Юня громко бабахнуло, и целых несколько секунд было абсолютно пусто.

Вот так сразу спать? Он… он же ничего в этом не смыслит! Как вообще спят мужчина с мужчиной? Нет, погодите, он ведь еще даже не согласился сойтись с Мэн И…

У А Юня от напряжения едва не раскалывалась голова.

Не спрашивая, согласен человек или нет, Мэн И взвалил его на плечо, отнес на кровать в западной комнате, прижал к себе, затащил в объятия и накрыл одеялом.

А Юнь боялся даже вздохнуть полной грудью, сердце бешено колотилось, он весь дрожал от страха, судорожно вцепившись в собственный пояс.

Долгое время царила тишина, а затем рядом раздался раскатистый храп.

А Юнь украдкой приоткрыл глаза, лицо его пылало.

Лежавший рядом человек крепко зажмурился, уже погрузившись в сладкие сны.

Это он сам себе напридумывал, оказывается, тот и правда имел в виду обычный сон.

Пользуясь светом лампы, А Юнь взглядом обвел решительные брови и глаза Мэн И, его пухлые губы, и, не удержавшись, наклонился, чтобы украдкой попробовать на вкус эту мягкость…

Он чувствовал себя ребенком, натворившим дел — одновременно страшно и захватывающе. Лежа на спине, он прижал руку к груди, и лишь спустя долгое время смог успокоиться.

Он сам поцеловал его — это дурной знак. А Юня охватила волна суеверного страха: если не сдерживать эти чувства, рано или поздно случится беда.

Он перевернулся на другой бок и еще долго ворочался в смятении чувств, прежде чем заснуть.

Ранним утром, поев после ухода Мэн И, А Юнь принялся дальше плести корзины. Просидев так до полудня и проголодавшись до головокружительного тумана в глазах, он наконец поднялся, чтобы разогреть паровые пампушки и нашинковать тонкой соломкой соленые корнеплоды горчицы, приправив их кинзой.

Ради одного себя ему даже готовить не хотелось.

В самый разгар трапезы матушка велела передать через людей, что привычное лекарство закончилось, и приказала срочно привезти его. В их поселке этого средства не было, за ним нужно было ехать в уездную больницу.

А Юнь помчался в уездный город без промедления. Раз матушка сегодня отдала приказ, доставить лекарство нужно было непременно в тот же день, иначе не миновать очередной порции жестокой бранки.

А Юнь был старым знакомым в уездной больнице, лекарство выдали без заминки, но затем ему

пришлось прождать целый час, чтобы сесть на самый последний автобус обратно в поселок.

Усевшись на сиденье у окна, он от нечего делать смотрел наружу и думал о том, что завтра седьмое число, надо снова съездить на ярмарку в Цинмаюань и продать немного лукошек и корзин.

Когда соберут батат и гаолян, вырученных денег хватит до самого Нового года, и тогда не придется так сильно надрываться.

Автобус трясся на ухабистой дороге, подпрыгивая и двигаясь очень медленно. Проезжая мимо завода железобетонных плит, утопавшего в клубах пыли, он заметил трех-четырех чумазых рабочих, которые суетились вокруг, словно муравьи.

Неподалеку тучный мужчина с отвисшим животом и толстой шеей, зажав под мышкой черный портфель, отчитывал кого-то последними словами. Его площаная брань резала слух.

– Какого хрена ты тут устраиваешь? Ты же просто паршивый нищий! Тебе и так дали немало…

Перед ним стоял высокий, дочерна загорелый мужчина, который угодливо улыбался и беспрерывно складывал руки в почтительном поклоне.

Несколько пассажиров прижались к окнам поглазеть на зрелище, громко выкрикивая, что этот человек — просто слюнтяй и размазня, раз позволяет так себя оскорблять и при этом еще заискивающе улыбается.

Слушая это, А Юнь невольно проникся к тому незнакомцу некоторой жалостью и отвернулся, не выдерживая зрелища.

Он не любил зевак и чужие зрелища, ведь зрелищем был он сам.

Этот человек, должно быть, похож на него: безропотно терпит издевательства, валяется растоптанный под чужими ногами. А Юнь слишком хорошо знал каково это — когда твою гордость разрывают в клочья и выставляют напоказ перед толпой.

Кто по доброй воле станет унижаться? Всему виной принуждения суровой жизни.

Автобус объехал рощу тополько́в и выехал навстречу закатным лучам солнца.

А Юня ослепило ярким светом, он качнул головой вбок и как раз успел разглядеть лицо того человека: оно было сплошь покрыто грязной пылью, черт не разобрать, выделялись лишь удивительно контрастные, черные как смоль и ярко блестевшие глаза.

Он внезапно замер, и сердце его бешено заколотилось.

Он узнал этот взгляд.

Этот взгляд, который он тысячу раз вырисовывал в своем сердце, он просто не мог перепутать.

– Остановите! Остановите!

А Юнь резко вскочил на ноги. Невесть откуда взявшиеся силы помогли ему прорваться сквозь толпу теснившихся пассажиров, и он безумно заколотил руками в дверь.

– Остановите!

– Здесь нельзя останавливаться! – рявкнул водитель.

Изумленные взгляды пассажиров устремились на него, послышались злобные ругательства вроде «ненормальный» и «псих».

А Юнь не обращал ни на что внимания, с упрямым вызовом глядя в ответ, и, вцепившись в дверь как одержимый, не отпускал ее.

– Остановите…

Водитель, не совладав с ним, был вынужден нажать кнопку.

Под хор ругани двери с щелчком распахнулись, А Юнь выпрыгнул из автобуса и вихрем бросился назад.

Этот человек — Мэн И! Мэн И, который никогда и ни перед кем не склонял голову! В груди А Юня полыхал пожар, а в голове билась лишь одна мысль: сейчас он должен быть рядом с ним.

Пятьсот метров, триста, сто…

Чем ближе он подходил, тем сильнее улетучивался тот первый порыв.

Он ведь такой гордый человек, настоящий хозяин в деревне Дунво, если кто-то узнает об этой унизительной сцене, ему наверняка будет страшно неловко.

Не то что он сам — тот привык с малых лет.

Успокоившись, А Юнь спрятался за стволом дерева уутун.

– Дядя Фан, я отработал месяц от звонка до звонка, тридцать дней, ни единого дня не лентяйничал, всего выходит четыреста пятьдесят юаней, нельзя же меньше, – с улыбкой просил Мэн И.

– Триста, ровно триста! Скажи спасибо, что вообще разрешил тебе подменить человека! Иначе не получишь ни копейки! – дядя Фан вытащил черный кожаный кошелек.

– Ну не будьте таким, дядя Фан, – умолял Мэн И. – У меня жена сожжена недоеданием, ждет не дождется этих денег на витамины, а сто пятьдесят юаней — это для вас цена одной пачки сигарет, сделайте доброе дело, засчитайте в карму.

Дядя Фан окинул его скептическим взглядом с ног до головы:

– С виду тебе едва исполнилось лет девятнадцать, откуда у тебя жена? Кого ты тут пытаешься обмануть, парень!

– Мы сосватаны с детства. Моя жена хоть и красавица, но ужасно капризная, за ней нужен особый уход. Раз уж она пошла за мной, я должен откормить ее так, чтобы щеки округлились, нельзя же давать ее в обиду. Сами посудите, разве я не прав?

Дядя Фан усмехнулся, вспомнив собственную капризную и беспомощную любовницу, которой никак не мог дать законного статуса, и его сердце смягчилось. Вытащив несколько купюр, он швырнул их на землю.

– Ладно, забрал деньги и вали отсюда.

Мэн И согнулся в поклоне и принялся собирать банкноты одну за другой прямо из грязи.

Сердце А Юня сжалось от боли, словно от ударов ножом, а по щекам беззвучно потекли слезы.

Какое же это святое слово — жена, к сожалению, он сам всего лишь мужчина. Обещание на всю жизнь оказалось слишком тяжелым ношей, он боялся, что не сможет дать его, и еще больше боялся не оправдать надежд.

Жаркое преследование Мэн И походило на огонь: приблизишься — обжигает, но в то же время так хочется прижаться к нему, чтобы согреться.

А Юнь разрывался между противоречивыми чувствами и даже не заметил, что поддался импульсу уже далеко не в первый раз.

Раздраженно теребя листья на ветке, А Юнь не сразу почувствовал, как острый край листа порезал ему подушечку пальца.

Его собственное сердце с ранних лет было погружено в ледяную воду и заперто под толстым слоем льда — холодное и онемевшее. А Мэн И вот так напролом ворвался в его жизнь и безоговорочно растопил этот лед.

С нежностью во взгляде А Юнь проводил глазами силуэт Мэн И, пока тот не растворился в сумерках. После этого, потерянный и опустошенный, он пешком поплелся вслед за ним по той же дороге и дошел только глубокой ночью.

У темных ворот кто-то примостился, прижав к груди брезентовую сумку так крепко, будто держался за собственную жизнь.

По одной лишь фигуре было ясно, кто это.

Помогши Мэн И добраться до кровати в западной комнате, А Юнь зашел на кухню, напек лепешек на масле, быстро обжарил яйца с острым перцем и даже достал редкость — спрятанное дедом на особый случай белое вино.

Почувствовав аромат еды, Мэн И открыл глаза и начал ворчать, что после тяжелой работы следовало возвращаться раньше, а он прождал у калитки целую вечность.

– Чего это мы сегодня решили выпить?

– Выпьем немного, чтобы снять усталость, – расставляя палочки, ответил А Юнь.

Мэн И расстегнул брезентовую сумку, и оттуда кучей вывалились подарки: коричневый сахар, соленая говядина, сухое соевое молоко, мальтозный напиток, гаолянъи… а еще — кусок мыла с ароматом папайи.

Стол оказался заставлен до отказа.

У А Юня защипало в глазах, он сжав губы молчал. Столь искреннее и теплое проявление заботы было невозможно отвергнуть.

Наполнив две рюмки, он протянул одну собутыльнику, переполняясь невыразимой нежностью во взгляде:

– Братец, я составлю тебе компанию.

А Юнь пил редко, и Мэн И тут же перехватил у него рюмку:

– В чем дело? Что-то случилось?

– А что могло случиться? – улыбнулся А Юнь. – Разве к такой прекрасной говядине не положено немного выпить?

Мэн И подумал, что и правда: расчет получен, деньги на кармане, больше не придется терпеть выпады этого проклятого босса Фана, на душе стало легко и радостно.

Пир горой! Сегодня вечером он непременно напьется как следует! А в будущем он и сам откроет какой-нибудь завод вх пух и прах этому Фану! Посмотрим, станет ли тот после этого задирать нос!

Он от души приложился к бутылке, осушив почти всю ее до дна. В уголках его глаз и на лице заиграло хмельное веселье, а язык стал заплетаться:

– А Юнь… почему ты мне так нравишься… так бы и… вырвал сердце и отдал тебе…

Лицо А Юня тоже покрылось двойным румянцем, глаза подернулись влажной дымкой, в них сквозило наивное непонимание, но он, подперев щеку рукой, продолжал бестолково улыбаться.

Мэн И ущипнул А Юня за пухлые щеки, слегка потянув их в стороны будто за провинность:

– Ну скажи… чем ты меня так приворожил… что я потерял голову…

А Юнь позволил ему делать с собой всё что угодно, не зная, плакать ему или смеяться. Выпив совсем немного, он сохранял ясный рассудок, мягко придержал его за руку и произнес:

– Братец, ты пьян.

– Не… пьян! – Мэн И резко качнулся вперед, широко распахнув глаза, и в упор уставился на него. – У тебя нет сердца! Я перед тобой душу выворачиваю, а ты в ответ ни слова! А Юнь, кто я тебе? Кем ты меня вообще считаешь?

Ему было обидно: ему разрешали и целовать, и обнимать, но все тайком, без всякой определенности, не говоря уже о каком-либо статусе. А Юнь за всё время так и не произнес заветного признания.

Так он согласен или нет?

Вопросы звучали на удивление связно и четко, и А Юнь уже начал подозревать, что тот лишь прикидывается пьяным — до тех пор, пока Мэн И не завыл белугой, таская его из угла в угол, и тогда он понял, насколько все серьезно.

http://bllate.org/book/25736/3077458